

СЛОВО О СЫРДОНЕ И ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕННОГО ЦИКЛА ОСЕТИНСКИХ НАРТОВСКИХ СКАЗАНИЙ

И. В. МАМИЕВА

История изучения отечественными специалистами закономерностей эпического сюжетосложения, прямо скажем, небогата. Наблюдение актуально и в отношении величественного памятника народов Кавказа — сказаний о нартах. Первый опыт составления сводного (примерного) указателя сюжетов Нартиады принадлежит Е. М. Мелетинскому [1]. Спустя пятнадцать лет А. Х. Бязыровым проделана работа по систематизации сюжетов разножанровых текстов осетинского фольклора [2]; особое внимание уделено автором эпизоду добывания огня в нартских сказаниях [3]. Серьезную теоретическую и методологическую базу для исследования сюжетных констант осетинского эпоса заложили труды В. И. Абаева; большим подспорьем в этом направлении явились также комментарии к академическому изданию «Нарты: Осетинский героический эпос: В трех книгах» (М., 1989-1991), подготовленные Т. А. Хамцаевой [4].

На современном этапе заметно активизируются усилия по сравнительному изучению сюжетики эпоса «Нарты». В секторе фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького готовится «Сводный указатель сюжетов и мотивов общекавказской «Нартиады» (руководитель А. И. Алиева). В рамках этого проекта уже изданы сравнительные указатели сюжетов цикла Сасыркуа (Сослана/Созырыко) на абхазо-адыгском, абхазо-осетинском, абхазском и карачаево-балкарском материале [5; 6; 7].

В анонсируемом исследовании принята попытка системной классифика-

ции сюжетно-мотивных единиц осетинской версии нартских сказаний, соотносимых в той или иной степени с героем именного цикла — Сырдоном. При выработке принципов анализа означенных единиц мы принимали во внимание наличие в цикле сюжетных эпизодов, различных по логике нарративного развертывания, — биографического, эпико-событийного и пародийно-бытового ряда. В соответствии с этим в Указателе акцентировались:

— универсальные элементы сюжетопорождения, типичные для большинства текстов мирового эпоса, в том числе и «Нартиады»;

— элементы, присущие тематическим пластам сюжетов именно сырдонова цикла (смысловые характеристики персонажа; мотивации, определяющие его действия и поступки);

— уникальные элементы, заявленные в текстах пародийного и анекдотического звучания.

В русле данной методики содержательные компоненты цикла «Сырдон/Сирдон» структурированы в Указателе по семи сюжетно-тематическим моделям (блокам), вбирающим три основных направления:

1. «Рождение», «Женитьба», «Гибель семьи», «Смерть-воскресение».

2. «Сырдон — спаситель нарт», «Сырдон — сеятель раздора («зло нарт»); «Участие Сырдона в судьбе персонажей «первого плана» [«именитые нарт»] и героев «малых циклов»».

3. «Сырдонов ум против козней нарт и их врагов».

Полагаем, такой подход открывает хо-

рошие возможности для выявления как персонажных оппозиций в осетинских текстах (например, Сырдон и Сослан, Сырдон и Батрадз), так и типологических сходжений-отталкиваний в сюжете и семантике осетинского и других национальных версий сырдонова цикла. Анализ «сюжетных схем» позволит также выделить в означенном цикле ядерные и факультативные, типичные и самобытные, единственные в своем роде, элементы эпического нарратива.

Сырдон — одна из наиболее ярких фигур эпоса «Нарты». Это факт общепризнанный, подтвержденный авторитетом корифеев отечественной и мировой фольклористики — Ж. Дюмезиля, В. И. Абаева, Е. М. Мелетинского и др. Особость эпического образа в том, что он развивался не в героическом, а комическом и бытовом плане. Сохранив на уровне архаического слоя сказаний черты культурного героя-близнеца Сослана (необычное зачатие, синхронность рождения и взаимонаречения, мотив вражды, пронизывающий всю сюжетную структуру эпоса), Сырдон на стадии разложения родового строя трансформируется в «тип мифологического плута-озорника» (Е. М. Мелетинский), а позже и вовсе становится героем анекдотов интернационального характера, зачастую буквально повторяющих истории о Ходже Насреддине, фольклорном персонаже народов Востока.

В плане осмысления этапов исторической динамики образ Сырдона представляет для исследователей огромный интерес. Не удивительно, что вопрос о генезисе персонажа по сей день остается дискуссионным [8, 34]. Не так проста, как нам кажется, и семантика появления 12-струнной арфы, трактуемая в науке как акция культурного героя. Сюжетные варианты рождения Сырдона и пребывания его в стране нарттов, детально систематизированные в настоящем Указателе, наталкивают на мысль о реализации в сюжете изготовления фандыра парадигмы «обратного жертвоприношения» — из хтонической зоны в «срединный мир». Через гибель детей (заместительная жертва) и сакральный дар

нартам герой-маргинал, дотоле энергично отторгаемый обществом, получает право проживания в Нарте («с этих пор будешь нам братом»). Иными словами, следствием акта дарения является, как мы предполагаем, пересмотр мифологических оппозиций в системе «свой-чужой» — в русле идеи циклического («вечного») времени. И лишь много позже фандыр Сырдона стал осмысливаться как в корне иной способ обретения вечности, манифестацией которого выступает историческая память. Сырдон здесь уже не «раздатчик частей тотема» (по О. М. Фрейденберг), а первый сказитель-летописец собственной трагической судьбы и истории всего нарттовского рода-племени. По существу, фандыр героя — это «своеобычный код, генетическая матрица нарттовского мира» [9, 120-121], в которой заключено знание относительно важнейших явлений бытия, таких как этническая самоидентификация, стремление сохранить и обессмертить не брэнную оболочку, а душу народа: «Нарты пустили фандыр [по кругу] и сказали друг другу: «Даже если все до одного погибнем, пусть этот фандыр пребудет вовеки, а кто будет играть на нтм и вспоминать нас, тот и будет нашим!»».

Указанная закономерность (эволюция знаковых представлений) учтена в анонсируемом Указателе в последовательности размещения элементов референции героя (см. сюжетно-тематическую модель: «**Сырдон — обладатель тайного знания**»). Вначале идет репрезентация параметров образа героя как носителя завуалированных жреческих функций: «Сырдон определяет, по каким критериям нужно выбирать лучшего среди нарттов», «Сырдон — главный эксперт при оценке общенарттовского дома» (раскрытие им базовых понятий философии Дома у осетин), «Сырдон — распорядитель на нарттовских кувдах и увеселениях, организатор сакральных обрядов», «Провидчество и предсказания Сырдона», и только после этого представлена сюжетная тема «Сырдон — эпический сказитель».

В целом материал Указателя систематизирован по принципу наиболее полного

раскрытия образа персонажа — противоречивого и двойственного в своей сути. При этом соответствующие сюжетные схемы каталога дают возможность рассматривать амбивалентность Сырдона именно в плане оценки «эпико-мифологической сущности архаического персонажа, взаимоисключающие качества которого еще не расчленены и не противопоставлены одно другому» [10, 26]. В свете такого подхода представляется абсурдной характеристика Сырдона как «маленького человека» [11, 10], особенно если учесть, что данный термин сформировался в 20-30 гг. XIX в. и был «привязан» к феномену русской классики — к типу героя определенного склада и социального положения. Целесообразно ли рассматривать эпического Сырдона («хитрость земли и коварство неба») как бессловесную, беспомощную жертву социальной несправедливости?! Ведь даже в амплуа героя анекдотических рассказов пройдоха-нарт неизменно одерживает верх над своими обидчиками. Смеем надеяться, что настоящий Указатель предостережет начинающих исследователей от подобного рода непродуманных допущений.

В заключение несколько слов о внутренней структуре сюжетных схем Указателя. Сюжетно-тематические модели детализируются в зависимости от количества имеющихся вариантов и их нюансировки. Отдельные типы сюжетных мотивов разбиваются на подтипы и далее, при необходимости, — на подпункты, обозначенные буквами *а, б, в* и т.д. в целях более скрупулезной фиксации их содержания. Каждая значимая единица сюжетной структуры документирована. Паспортизация фоль-

клорных источников сопровождается аннотацией заключенных в них характерных эпизодов или мотивных типов, освещаются также различные виды контаминации, случаи сюжетных трансформаций, модификаций; антропо- и зооморфных и даже натуроморфных (шапка) превращений; учитывается синонимия сюжетных типов (когда один и тот же сюжет или мотив «привязан» к разным персонажам эпоса). Допускаем, что акцент на некоторые детали кому-то покажется избыточным; однако мы исходили из того, что в эпическом нарративе любая мелочь может иметь научно значимый смысл. В качестве подтверждения сошлемся на Е. М. Мелетинского, который, исследуя древние корни образа плута-озорника, противопоставляет Сырдона фольклорному персонажу американских индейцев Ворону на том основании, что трюки Ворона большей частью имели «сугубо материальную мотивировку», в то время как проказы Сырдона носят отвлеченный характер [12, 128]. Сюжетика исследуемого цикла дает основание считать этот тезис спорным: ученый был ограничен в материале, которым располагаем сегодня мы.

В ходе сверки ранее введенной в исследовательский оборот источниковедческой базы нами внесены уточнения, в том числе обновлены ссылки на сборник «Ирон адæмон сфæлдыстад», составленный З. М. Салагаевой (ИАС, 2-е изд., доп.). Имеется список необходимых сокращений. Структура Указателя открыта для дальнейшей редакции и усовершенствования.

Автор-составитель благодарит Д. И. Дедкаева за активное содействие в выполнении настоящей работы.

1. Мелетинский Е. М. Примерный указатель сюжетов нартского эпоса // Нартский эпос: Материалы совещания 19-20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957. С. 74-81.
2. Бязыров А. Х. Указатель циклов и сюжетов осетинских нартских сказаний и песен // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института (далее Известия ЮОНИИ). Цхинвали, 1972. Вып. XVII. С. 43-71.
3. Бязыров А. Х. О группе нартских сказаний с эпизодом добывания огня // Известия ЮОНИИ. Цхинвали, 1974. Вып. XIX. С. 109-114.
4. Нарты: Осетинский героический эпос. М., 1991. Книга 3.
5. Джапуа З. Д. Сходные сюжетно-тематические единицы в абхазо-адыгских нартских сказаниях (опыт составления Указателя) // Абхазоведение: Язык. Фольклор. Литература. Сухум, 2000. Вып. 1. С. 115-126.
6. Джапуа З. Д. Абхазские и осетинские нартские сказания о Сасрыкуа/Сослане/Созырыко (Опыт сравнительного указателя) // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции. (Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.). Владикавказ, 2006. С. 246-266.
7. Джапуа З. Д. Сходные сюжеты в абхазских и балкаро-карачаевских нартских сказаниях о Сасрыкуа/Сосруке (опыт сравнительного указателя) // Caucasus philologia. 2006. № 1.
8. Иванеско А. Е. Нартовский Сырдон — персонаж «второго плана»? // Человек «второго плана» в истории: Сборник статей/Под ред. Н. А. Мининкова. Ростов н/Д, 2004. Вып. 1. С. 29-41.
9. Мамиева И. В. Архетип сказителя в осетинском эпосе «Нарты» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1 (38). С. 119-121.
10. Дедегкаев Д. И., Мамиева И. В. Героико-комический синкретизм осетинского нартского эпоса и народные источники смеха у Рабле // Франсуа Рабле и раблезианство: вчера, сегодня, завтра: Тезисы международной научно-практической конференции (30-31 октября 2000 г.). Пятигорск, 2000. С. 25-27.
11. Фидарова Р. Я. Проблема характера в современной северокавказской прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
12. Мелетинский Е. М. Предки Прометея (Культурный герой в мифе и эпосе) // Вестник истории мировой культуры. 1958, май-июнь. № 3 (9). С. 114-132.